

В день отъезда в ущелье Куробэ Харе долго сидел один в комнате общежития. Он собирал вещи, но, сколько ни старался, их не набиралось даже на один небольшой рюкзак.

Он изначально был здесь чужаком. Когда он только попал сюда, его рюкзак ломился от подарков для папы и мамы. А теперь, перед уходом...

— Эх, взять бы что-нибудь от папы с мамой на память... — тихо вздохнул Харе, глядя на пустоту внутри рюкзака. — Пуговицу от формы Технической школы магии, папины темные очки или мамину ленту для волос...

Он постоял над полупустым рюкзаком, подумал еще немного, но так ничего и не взял. Только оставил на столе две порции свежеприготовленного омурайсу, накрыв их тарелками, и в предзакатных сумерках тихо выскользнул из Технической школы магии.

Стояло начало лета. Ущелье Куробэ утопало в пышной зелени, изумрудные воды горной реки шумели внизу, а чистый, прохладный воздух пьянил своей свежестью. Приезжать сюда обычным туристом было бы сплошным удовольствием.

Если подняться вверх вдоль горного потока, то у самой вершины можно было наткнуться на водонапорную башню. Увенчанная остроконечной красной крышей, издалека она походила на сказочный домик посреди глухого леса.

Однако внутри башня не имела ничего общего со сказкой. Пространство состояло из узкой кольцевой галереи, огибавшей зияющую пустоту по центру. Далеко внизу, на самом дне этого каменного колодца, бушевала река, а наверх, к вершине, вела крутая зигзагообразная лестница.

Верхний ярус представлял собой нечто среднее между маяком и смотровой площадкой. Там горел огромный одинокий прожектор, окруженный прочным каменным парапетом. В этот момент там, укрывшись от ветра, сидели двое.

— Все готово?

Мужчина со швом, пересекающим лоб, присел рядом с беловолосым юношей и с любопытством оглядел его руки.

Эти руки сильно исхудали с их первой встречи — бледные, костлявые, с сорванными до мяса ногтями. Кожа на предплечьях, некогда чистая и белая, теперь свисала лохмотьями, напоминая усыпавшие плоть багровые лепестки цветов. Обнаженное алое мясо подрагивало на

ветру; при каждом движении пальцев волокна мышц натягивались и сокращались. Выглядело это жутко.

Беловолосый Харе вывел окровавленным пальцем последний штрих на каменном полу и устало выдохнул.

— Готово. Это последний узор. Теперь остается только ждать.

Кэндзяку перевел взгляд с его израненных рук на свежий рисунок и прищурился, изучая детали.

Этот узор он видел впервые в жизни. Вписанный в ровный круг рисунок походил одновременно и на сложную печать проклятия, и на западные каббалистические знаки. Кэндзяку нашел это удивительным. За свою долгую жизнь он повидал бесчисленное множество техник, но узор Харе оставался для него загадкой. Интуиция лишь смутно подсказывала, что таинственный знак как-то связан со временем. Вот только зачем Харе начертил несколько таких печатей по всему периметру башни, Кэндзяку до сих пор не понимал.

Кровь быстро впиталась в каменные плиты, и узор исчез. Смотреть больше было не на что, поэтому Кэндзяку снова перевел взгляд на юношу, состроив сочувствующую гримасу:

— Малыш Харе, ты себя совсем не бережешь. Я всерьез опасаясь, что это прекрасное тело достанется мне совершенно истерзанным.

В последнее время, опираясь на помощь Кэндзяку, беловолосый Харе как одержимый рассаживал повсюду проклятых духов, заставляя их впитывать негативную энергию. Эта жуткая техника требовала плоти самого заклинателя, из-за чего юноша почти полностью срезал кожу со своих предплечий. Вчера, когда они закладывали последнего духа для сбора энергии веры, Харе едва не отхватил себе палец ради ритуала — благо Кэндзяку успел перехватить его руку.

Этот ребенок... Кэндзяку искоса взглянул на чистый, красивый профиль юноши и тихо вздохнул. Мальчик выглядел так, словно смертельно устал от этого мира и просто не хотел жить.

Почувствовав на себе чужой взгляд, Харе раздраженно нахмурился и, проигнорировав притворную жалость, спросил:

— Ты сделал то, что я велел?

— Ну конечно, — заговорил Кэндзяку с мягкой улыбкой. — Все сделано в точности так, как ты просил. Техника наложена на твоё тело. Как только ты прикоснешься к нему, оно тут же погрузится в созданную мной иллюзию.

Иначе и быть не могло: только сам Харе мог подойти к своей копии на расстояние удара. Кэндзяку, будучи чужаком, вызвал бы у того мгновенное подозрение.

— Ты действительно заберешь меня в следующий ми... — Кэндзяку не успел закончить вопрос.

Юноша резко встал, вскинув окровавленную руку, заставляя собеседника замолчать, и вгляделся в лесную чащу у подножия горы.

Кэндзяку поднялся следом, но его глазам ничего не открылось.

— Он пришел? — удивленно спросил он.

— Да, — холодно ответил Харе, ведь всю дорогу до вершины стерегли его собственные проклятые духи. — Я опущу завесу. Кэндзяку, встретить его.

У подножия горы Харе с рюкзаком за плечами неторопливо поднимался по каменной тропе. Минувя поросший травой склон, он бросил взгляд на затаившегося там проклятого духа. Дух лениво вращал мутными бельмами, уставившись на мальчишку в ответ. Он словно понимал, что глаза человека слишком чувствительны к проклятой энергии, а потому даже не пытался скрыться.

Харе отвернулся, хмыкнув с горькой усмешкой:

— Надо же, а тот «я» чертовски осторожен.

— Зачем ты сюда притащился? — внезапно подал голос Сукуна, до этого долго хранивший молчание в глубине его сознания.

— Побуду злодеем, устрою небольшой погром, — улыбнулся Харе. Продолжая подниматься, он, даже не оборачиваясь, небрежно щелкнул пальцами. Сгусток проклятой энергии со свистом устремился назад, и следившая за ним тварь с глухим хлопком разлетелась на куски плоти.

В голосе Сукуны проснулся живой интерес:

— Звучит заманчиво. Выпусти меня порезвиться.

— Ну уж нет, — отказался Харе.

Действуя в одиночку, он мог решить все тихо и без лишнего шума. Стоило выпустить Сукуну,

как тот устроил бы бойню, на которую сбежалось бы все Главное управление магии. К тому же, раз Харе умел поглощать силу Короля проклятий, то и его беловолосый двойник наверняка обладал той же способностью. Да и вероятность того, что этот монстр ударит в спину в разгар схватки, была слишком велика.

Сукуна, только-только предвкушавший веселье, недовольно рыкнул:

— Причина?

— Будто сам не понимаешь. С чего мне верить, что ты будешь послушным мальчиком? — хмыкнул Харе.

Договорить он не успел. Пространство вокруг внезапно сжалось, подернувшись чернильной пеленой — опустилась Завеса. Точно так же, как в тот день у горячих источников, голос Сукуны в голове мгновенно умолк.

Харе замер и поднял взгляд. На верхних ступенях, уже не скрываясь под капюшоном, стоял давешний незнакомец. Он тепло, почти ласково улыбался:

— А я все ждал, когда же ты явишься.

Харе окинул взглядом аккуратную линию швов на его лбу. «Ну надо же, предчувствие не подвело. Действительно Кэндзяку».

Кулаки юноши непроизвольно сжались, источая волны тяжелой, осязаемой жажды крови.

— Где он? — процедил Харе.

Уловив эту неприкрытую враждебность, Кэндзяку шутливо вскинул плечи, скрывая легкое замешательство. «Что за настрой? Неужели он понял, что я ему наврал? Раскусил, что беловолосый Харе хочет вовсе не уничтожить этот мир, а лишь забрать его силу ради пространственно-временной техники?»

— Он там, у водонапорной башни, — вздохнул Кэндзяку, пристально всматриваясь в лицо собеседника. — Я не смог его переубедить. И как же ты поступишь?

«Если развернется и уйдет — значит, все знает. Тогда план сорван, ведь без их контакта технику не запустить. Если пойдет со мной — значит, еще в неведении», — лихорадочно соображал Кэндзяку.

Договорить свои мысли он не успел. Силуэт мальчишки смазался. В то же мгновение грудину Кэндзяку пронзила дикая вспышка боли. Из горла хлынула теплая кровь, легкие сдавило, и он,

шумно согнувшись, повалился на каменные ступени.

— Какого... кха... что ты творишь?! — выдавил он, зажимая дыру в разорванной грудной клетке.

Харе хладнокровно стряхнул с пальцев багровую юшку и равнодушно бросил:

— Да так. Просто глаза ты мне мозолишь.

Он просто перешагнул через хрипящего Кэндзяку и продолжил подъем. Он не видел, как скорчившийся на ступенях мужчина уставился ему в спину. В его глазах вспыхнул жадный, безумный восторг.

— Ха... ха-ха... — раздался тихий, свистящий смех. — А эта тушка... выглядит даже заманчивее той...

По дороге Харе то и дело натыкался на стерегущих тропу проклятых духов. Он без лишних раздумий выкашивал их одного за другим, пробиваясь наверх. Когда впереди показался силуэт башни, его белая рубашка оставалась безупречно чистой — на нее не упало ни брызги чужой крови.

Его точная копия стояла на самом верху башни, лениво опершись на каменное ограждение и глядя вниз. Харе запрокинул голову, ловя этот взгляд. Наверху полоскались по ветру белоснежные волосы, а лицо двойника наполовину тонуло в густой тени.

— Поднимайся, — первым нарушил тишину беловолосый.

Харе покачал головой, не сдвинувшись с места:

— Нет уж. Спускайся сам.

Словам Кэндзяку он не поверил ни на грош. И хотя истинные намерения беловолосого двойника оставались для него загадкой, Харе твердо решил: плясать под чужую дудку он не станет.

Беловолосый Харе на башне лишь усмехнулся, словно заранее знал, что услышит именно это. Он легко перемахнул через каменный парапет и, крикнув вниз:

— Ну тогда лови! — шагнул в пустоту.

Он действительно без малейшего страха прыгнул прямо со смотровой площадки.

Харе опешил.

— Да черта с два я тебя ловить буду! Разобьешься насмерть — мне же меньше забот... — Харе осекся.

Он поспешно отступил на несколько шагов, уклоняясь от траектории падения. Харе прекрасно понимал, что такая высота для мага их уровня не смертельна, а потому бросал колкости умышленно — раздраженный противник быстрее совершает ошибки.

Однако прямо в воздухе за спиной беловолосого распахнулись огромные крылья бабочки. Он плавно затормозил и завис прямо перед лицом опешившего оригинала.

Харе присмотрелся: оказалось, со спины беловолосого держал крылатый проклятый дух. Пока Харе разглядывал тварь, его копия нагло ухмыльнулась лицом, в точности копирующим его собственное, и по слогам отчеканила:

— По. Пал. Ся.

Голос звучал точь-в-точь как его собственный.

В следующее мгновение беловолосый рванулся вперед и намертво сжал Харе в объятиях ободранными, сочащимися кровью руками.

— Что за... — опешил Харе.

Лицо двойника перед ним поплыло и исказилось. Свет вокруг стремительно угасал, а звуки сделались ватными, словно уши забило плотным илом.

Чувства схлынули, оставив звенящую пустоту, но лишь на миг — в следующую секунду сознание разорвало от хлынувшего потока чужих воспоминаний и ярких, ослепительных образов.

Харе увидел родителей этого мира. Вот они благополучно оканчивают Техническую школу магии, признаются друг другу в чувствах, женятся и живут тихой, счастливой жизнью. Они не разошлись по разным, полным боли путям, как это случилось в его собственном прошлом.

Грудь сдавило от щемящего облегчения. Застыв с остекленевшим, невидящим взглядом, Харе счастливо и мягко улыбнулся пустоте.

Он целиком погрузился в сплетенную иллюзию, потеряв всякую связь с реальностью. В настоящем же мире беловолосый двойник мертвой хваткой удерживал его раненой рукой, а второй быстро сплетал печать у груди. Их родственные души и тела мгновенно вошли в

резонанс. Могучая проклятая энергия Харе безумным вихрем хлынула в беловолосого. Тот хрипло выдохнул:

— Техника: Пространственно-временной диск!

Скрытые в каменных плитах кровавые печати проступили наружу, и угловатые шестерни времени на них медленно провернулись. Вокруг взревел дикий вихрь. Воздух зазвенел от невыносимого, рвущего барабанные перепонки скрежета — ткань реальности трещала по швам.

Исцелив сквозную дыру в груди обратной проклятой техникой, Кэндзяку не спеша подошел ближе. Он обошел обнявшихся юношей по кругу и тихо присвистнул:

— Похоже, все идет как по маслу.

Едва он замолк, как неподвижное тело Харе содрогнулось. Он контуженно поднял руку, пытаясь оттолкнуть двойника.

Беловолосый Харе яростно свел брови к переносице и зыркнул на сообщника:

— Почему он очнулся?!

— Так вот какая... твоя... настоящая цель... — сквозь силу выдавил Харе.

На самом деле он не очнулся до конца. На сетчатке его глаз все еще крутились кадры счастливой жизни его родителей.

Ему казалось, будто он стоит посреди залитого солнцем тихого дворика. Мама Гето развешивала влажное белье, а папа Годжо, лениво почесывая затылок, медленно поливал из лейки цветы.

Родители ходили совсем рядом, о чем-то негромко переговариваясь. Все было пугающе реальным, но одновременно с этим Харе чувствовал, как из его тела стремительно утекает сила. Это походило на сонный паралич — он видел прекрасный сон, но не мог пошевелиться, пока из него выпивали жизнь.

В глазах Кэндзяку и беловолосого он лишь слепо пялился в пространство перед собой и что-то несвязно шептал. Но в своем угасающем разуме Харе говорил с папой Годжо.

Кэндзяку понаблюдая за этой сценой, хищно оскалился и быстро сложил пальцы в печать:

— Тем лучше...

<http://bllate.org/book/19043/2005242>